

and commented parts
in edition work.

```
(SPR_PMSG.2.4.INULL,S_PUNCH0.0.0) // S_PUNCH0  
(SPR_PMSG.1.5(A,RefFvel),PUNCH1.0.0) // S_PUNCH1  
(SPR_PMSG.0.1(A,WeaponReady),PSTOL.0.0) // S_PSTOL  
(SPR_PMSG.0.1(A,Lower1),PSTOLDOWN.0.0) // S_PSTOLDOWN1  
(SPR_PMSG.0.1(A,Reset),PSTOLUP.0.0) // S_PSTOLUP  
(SPR_PMSG.0.4(INULL),PSTOL2.0.0) // S_PSTOL2  
(SPR_PMSG.1.6(A,FirePistol),PSTOL3.0.0) // S_PSTOL3  
(SPR_PMSG.2.4(INULL),PSTOL4.0.0) // S_PSTOL4  
(SPR_PMSG.32769.7(A,Light1),LIGHTDONE.0.0) // S_PSTOLFLASH  
(SPR_SHTG.0.1(A,WeaponReady),SGUN.0.0) // S_SGUN  
(SPR_SHTG.0.1(A,Lower),SGUNDOWN.0.0) // S_SGUNDOWN  
(SPR_SHTG.0.1(A,Reset),SGUNUP.0.0) // S_SGUNUP  
(SPR_SHTG.0.2(INULL),SGUN2.0.0) // S_SGUN2  
(SPR_SHTG.0.7(A,FireShotgun),SGUN3.0.0) // S_SGUN3  
(SPR_SHTG.1.5(INULL),SGUN4.0.0) // S_SGUN4  
(SPR_SHTG.2.5(INULL),SGUN5.0.0) // S_SGUN5  
(SPR_SHTG.3.4(INULL),SGUN6.0.0) // S_SGUN6  
(SPR_SHTG.2.5(INULL),SGUN7.0.0) // S_SGUN7  
(SPR_SHTG.1.5(INULL),SGUN8.0.0) // S_SGUN8
```

```
// do things to change the game state  
while (gameaction != ga_nothing)  
{  
    switch (gameaction)  
    {  
        case ga_loadlevel:  
            G_DeLoadLevel(l);  
            break;  
        case ga_newgame:  
            G_DeNewGame(l);  
            break;  
        case ga_loadgame:  
            G_DeLoadGame(l);  
            break;  
        case ga_savegame:  
            G_DeSaveGame(l);  
            break;  
        case ga_playdemo:  
            G_DePlayDemo(l);  
    }  
}
```

Алексей Черных

Другие восемьстрочия

```
(SPR_CHRG.0.4(A,FRACGUIS),DRIVING.0.0) // S_CHRINT  
(SPR_CHRG.1.4(A,FireGun),CHAIN3.0.0) // S_CHAIN2  
(SPR_CHRG.1.0(A,Refvel),CHAIN0.0) // S_CHAIN3  
(SPR_CHRG.32769.5(A,Light1),LIGHTDONE.0.0) // S_CHAINFLASH1  
(SPR_CHRG.32769.5(A,Light2),LIGHTDONE.0.0) // S_CHAINFLASH2  
(SPR_MISS.0.1(A,WeaponReady),S_MISSLE.0.0) // S_MISSLE  
(SPR_MISS.0.1(A,Lower),S_MISSLEDOWN.0.0) // S_MISSLEDOWN  
(SPR_MISS.1.0(A,Reset),S_MISSLEUP.0.0) // S_MISSLEUP  
(SPR_MISS.1.0(A,GunFlash),S_MISSLE2.0.0) // S_MISSLE2  
(SPR_MISS.1.12(A,FireMissle),S_MISSLE3.0.0) // S_MISSLE3  
(SPR_MISS.1.0(A,Refvel),S_MISSLE.0.0) // S_MISSLE3  
(SPR_MISS.32769.3(A,Light1),S_MISSLEFLASH.0.0) // S_MISSLEFLASH1  
(SPR_MISS.32769.4(INULL),S_MISSLEFLASH.0.0) // S_MISSLEFLASH2  
(SPR_MISS.32770.4(A,Light2),S_MISSLEFLASH.0.0) // S_MISSLEFLASH3  
(SPR_MISS.32771.4(A,Light2),S_LIGHTDONE.0.0) // S_MISSLEFLASH4  
(SPR_SAWG.2.4(A,WeaponReady),S_SAW.0.0) // S_SAW  
(SPR_SAWG.3.4(A,WeaponReady),S_SAW.0.0) // S_SAW  
(SPR_SAWG.2.1(A,Lower),S_SAWDOWN.0.0) // S_SAWDOWN  
(SPR_SAWG.0.4(A,Reset),S_SAWUP.0.0) // S_SAWUP  
(SPR_SAWG.1.4(A,Sw1),S_SAW2.0.0) // S_SAW1  
(SPR_SAWG.1.4(A,Sw2),S_SAW2.0.0) // S_SAW2  
(SPR_SAWG.1.0(A,RefVel),S_SAW.0.0) // S_SAW3  
(SPR_PMSG.0.1(A,WeaponReady),S_PLASMA.0.0) // S_PLASMA  
(SPR_PMSG.0.1(A,Lower),S_PLASMDOWN.0.0) // S_PLASMDOWN  
(SPR_PMSG.0.1(A,Reset),S_PLASMAP.0.0) // S_PLASMAP  
(SPR_PMSG.0.3(A,FirePlasma),S_PLASMA2.0.0) // S_PLASMA1  
(SPR_PMSG.1.20(A,RefVel),S_PLASMA.0.0) // S_PLASMA2  
(SPR_PMSG.32768.4(A,Light1),S_LIGHTDONE.0.0) // S_PLASMAFLASH1  
(SPR_PMSG.32769.4(A,Light1),S_LIGHTDONE.0.0) // S_PLASMAFLASH2  
(SPR_BFG.0.1(A,WeaponReady),S_BFG.0.0) // S_BFG  
(SPR_BFG.0.1(A,Lower),S_BFGDOWN.0.0) // S_BFGDOWN  
(SPR_BFG.0.1(A,Reset),S_BFGUP.0.0) // S_BFGUP  
(SPR_BFG.0.20(A,BFGSound),S_BFG2.0.0) // S_BFG1  
(SPR_BFG.1.10(A,GunFlash),S_BFG3.0.0) // S_BFG2  
(SPR_BFG.1.10(A,FireBFG),S_BFG4.0.0) // S_BFG3  
(SPR_BFG.1.20(A,RefVel),S_BFG.0.0) // S_BFG4  
(SPR_BFG.32768.11(A,Light1),S_BFGFLASH2.0.0) // S_BFGFLASH1  
(SPR_BFG.32769.6(A,Light2),S_LIGHTDONE.0.0) // S_BFGFLASH2  
(SPR_BLOOD.2.8(INULL),S_BLOOD2.0.0) // S_BLOOD1  
(SPR_BLOOD.1.9(INULL),S_BLOOD3.0.0) // S_BLOOD2  
(SPR_BLOOD.0.8(INULL),S_NULL.0.0) // S_BLOOD3  
(SPR_PUFF.32769.4(INULL),S_PUFF2.0.0) // S_PUFF1  
(SPR_PUFF.1.4(INULL),S_PUFF3.0.0) // S_PUFF2  
(SPR_PUFF2.4(INULL),S_PUFF4.0.0) // S_PUFF3  
(SPR_PUFF2.4(INULL),S_NULL.0.0) // S_PUFF4
```

```
if (playeringame[l])  
    continue;  
if (total check <= 0)  
    other = sided st  
else  
    other = sided st  
if (check >= flags & M)  
    continue;  
if (foundlock) {  
    P_RecursiveSol  
}  
static char turbotmessage[90];  
return char "player named";  
sprintf (turbotmessage, "his is turbo" player_name);  
player_consoleplayer message = turbotmessage;  
if (turbo) {  
    // If a monster yells at a play  
    // We'll alert other monsters  
    void  
    {  
        P_NoisAlert  
        ( "Error consistency failure (this should be null)",  
        "consistency",  
        target,  
        miniter);  
    }  
}  
if (playerid != me) {  
    soundtarget = target;  
    soundlevel = 1;  
    P_RecursiveSound format  
    consistency[0] = minindex;  
}
```

Алексей Борисович Черных

Другие восьмистрочия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48791434

SelfPub; 2019

Аннотация

Есть трёхстрочные хокку, при помощи которых человек с восточной душой может описать всю глубину вселенной. Но нам трёх строк мало. Есть четырнадцатистрочные сонеты, которые для современного "клипового" человека, увы, уже велики. Автор считает, что восьми строк вполне достаточно, чтобы оперировать законченными поэтическими сущностями. Это вторая книга восьмистрочий.

Содержание

Алфавитный бред. Абецедарий	7
Навеянное Иссой	9
В электричке	19
О чём-то большем	38
Презумпция зла	45
Не ради славы	47
Околвиннипуховое	50
Еккл. 1, 9-10	54
Перевод с английского. @morning_swallow	63
Перевод с английского. Уильям Строд. На жизнь человека	71

* * *

Заранее вычислив участь звезды,
Что с неба падёт послезавтра,
Я из дому вышел проверить цветы,
Нектар заготовить на завтрак.

С утра, завертевшись в пустой суете,
Я жёг свое тело прохладой,
И думал о той несчастливой звезде,
Жалея, шептал ей: «Не падай...»

* * *

На город дождь идёт стеной,
Вздыхает громом,
Сверкает молнией-стрелой
Над самым домом.
Клубятся тучи надо мной,
Их дождь колеблет.
На город дождь идёт стеной,
А город дремлет.

* * *

...И в нашем радостном Эдеме,
Дарящем светлые мечты,
Исчезнет всё – развеет время
Здесь все, какие есть, следы.
Поползновения людские,
Как в пыль истлевшее тряпье,
Рассеются... Эх, энтропия —
Она такая, мать её...

* * *

Не зря, наверно, тот, кто создал
Галактик яркие спирали
Нас отдалил от них и звёзды
Сместил в немыслимые дали.

Всё для того, чтоб наши цели
Познать вселенские соцветья
Мы с вами сохранить сумели
На многие тысячелетья.

* * *

Престранный мир, где каждый человек
Готов скрутиться в жгут противоречий
И стать для Чеховых, Толстых, Лопе де Вег

Прообразом их злободневных скетчей;

Готов и на словах, и на мечах
Он выйти победителем из спора.
А мальчишки кровавые в глазах
Проявятся... Но вряд ли очень скоро.

* * *

Наш выбор сделан. Мы, надеюсь,
Не буридановы ослы,
И выберем, не канителясь...
Хоть муки выбора милы.

Милы иллюзией, что можем
Мы выбором своим сменить
Процесс с названием «Лезть из кожи
Вон» – на процесс с названием «Жить».

Алфавитный бред. Абецедарий

«А было всё гадким, древесно-еловым.
Ёж ждал зиму истово. Йогурт кислил.
Ломались мечты. Нарушались основы
Паразитических реверсных сил.

Телеметрия ужасно фонила.
Хрипела цветисто чужая шиншилла.
Щипал эквивоками Юнг яйцевидный...» —
Мой мозг воспалённый нёс бред алфавитный.

* * *

Ах, как две наших сущности —
в принципе разные,
Плотно схвачены временем
в нечто одно:
Тошно-сочное, яркое —
и слегка несуразное,
Как «Алжирские женщины»
версии О.

* * *

Нам не нужно быть в Гернике,
Нам достаточно Горловки.
И «Алжирские женщины»
 Даже версии О
Не годятся в соперники
Фрескам горловским огненным,
Что войною зловещею
Жглись на стенах домов.

Навеянное Иссой

1.

Глубится ямка под струйкой мочи;

Снег у ворот.

Журчанье чуть слышно в безмолвной ночи

Песней без нот;

Снежный покров на земле неживой

Девственно чист,

Лишь у ворот он являет собой

Исписанный лист.

2.

Облетает листва с удручённого клёна,

С отвращением падая в грязь.

Беззащитно стоять будет клён обнажённый

До весны, никого не стыдясь.

И когда новый лист, закружив над землёю,

Упадёт, не задев никого,

Мир, охваченный глупостью и суетою,

Не заметит паденья его.

3.

Словно проснулись сверчки и пичуги,
Луг осмелел,
Близкими стали далёкие звуки,
День посерел.

Свежесть несёт набежавшая туча,
Зной бороздя.
Как тяжела, и душна, и тягуча
Жизнь без дождя.

4.
Утром роса
Мне омоет прохладой ноги.
Врут небеса,
Что они по природе не строги.

Капли росы,
Охладив, испарятся, исчезнут.
В строках Иссы
Они горьким «И всё же...» воскреснут.

* * *

Отсутствие электричества
В стенаниях, матах и столах
Весьма уменьшает количество

Приматов, увязших в смартфонах.

Становятся явными радости
Неспешного чаепития,
Беседы под плюшки и сладости, —
А там и другие события...

* * *

Совсем уж лёгкий ветерок
Вершины сосен теребит.
Был виден месяца рожок —
Сейчас он тучами закрыт.

Палитра вечера скудна,
Мир безотраден, сер, черён:
Он досера́ и дочерна
Холодным летом изнурён.

* * *

Честный игрок этот мир ненавидимый,
Шулер ли?
Многие звёзды, которые видим мы,
Умерли.
Переоценим все ценности мира,

С факелом
Выйдем искать человекoв-кумиров-
Сталкерoв.

* * *

Летний вечер. Как бы летний.
Воздух ледяной.
Речь гораздо междоветней,
Чем порой иной.

Трудно выразаться ясно,
Если месяц как
Зубы бьют однообразно
Нервный краковьяк.

* * *

С младых годов был равнодушный
К навозной сущности побед
Тот самый Авгий, чьи конюшни
Не очищались тридцать лет.

Дух разлагающейся плоти
Его нимало не мутил,
А даже возбуждал и вроде,

Вы не поверите, пьянил.

* * *

Здесь не виден за мелким чванством
Серебристой кометы хвост;
Здесь не будет порталов в пространство
Недоступных, далёких звёзд;

Здесь навряд ли здоровое семя
Будет найдено в гнили жнивья;
Здесь сгустилось донельзя время
Ограниченностью бытия.

* * *

Осень. Вечер. Угрюмая улица.
В энергетическом кризисе
Фонари отвратительно щурятся,
Словно бес от строк катехизиса.

Спотыкаясь, прохожий ругается, –
Полумрак грозит ему травмами.
Свет с трудом сквозь листву пробивается,
На асфальт ложась криптограммами.

* * *

Пусть мне твердят, что мир наш вечен,
Но если я умру,
Мир для меня сгорит, как свечи
Сгорают в прах к утру.
Исчезнут боль, любви устои,
Морали суета.
Коль я умру, весь мир накроет
Глухая пустота.

* * *

Падая, звёзды не добираются до земли —
Вязнут в мармеладе манящего лунного неба.
Они бы не долетали, даже если б могли,
Потому что отказываться от мармелада нелепо.

Этот десерт притягателен и прекрасен на вид,
Он присыпан сахаринками тонких созвездий.
Он влечёт, искушает, обезоруживает, слепит,
Как тысячи тысяч обворожительных бестий.

* * *

Зачем, коря бескрылость,

Иметь к бескрылым милость,
Не стоит ли бескрылых
На небо загонять.
И пусть себе летают,
Не ведая, не зная,
Что именно бескрылыми
Их породила мать.

* * *

К небу дым, как ласточка, взовьётся
И застынет, схваченный зимой.
Набежало облако на солнце
И закрыло тонкой пеленой.

Облако уйдёт и заискрится,
Как алмазы, свежий белый снег.
Мир в единый миг преобразится,
Зазвенит, как яркий детский смех.

* * *

Мы всё распределили –
Что, где, кому и как.
Кому на рубль налили,
Кому лишь на пятак.

Кому-то дан огромный,
Пустой ушастый жбан,
Кому-то – только скромный,
Но до краёв – стакан.

* * *

Ты жгуч и зол,
А он прелестен.
Ты не дошёл,
А он – на месте.
Ты вновь без сил,
Он эффективен...
Но ты мне мил,
А он противен.

* * *

За окном, где опушка лесная
Обступила извивом зелёным,
Выделялась сосёнка сухая
Омертвелым, коричневым тоном.

Так и есть: все достоинства наши
В суетливой людской круговерти

Оттеняются чётче и краше
Омерзительным таинством смерти.

* * *

Нагло полная луна
Светит в окна нашей спальни.
Врут поэты, что она
И тосклива, и печальна.

Как неожиданный нудный гость,
Что беседой досаждаёт,
Как в ботинке острый гвоздь,
Свет луны меня терзает.

* * *

Опиши мне красоты снега,
Что растаял бесследно вчера.
Ощуди неуёмную негу
От тоскующей грязи двора.
Опиши восхищение ливнем,
Что четвёртые сутки идёт.
Наслаждайся же тем, что противней,
Чем весь мир наш... И наоборот.

* * *

Я и ты. И мир наш скручен
В жёсткий бесконечный тор,
Он обыден, сер и скучен,
Ограничен прессом шор.

Чувствую, что и Вселенной
Та же выпала стезя:
В тор скрутиться офигенный
И замкнуться на себя.

В электричке

Я исполнен пустого апломба,
Я рисуюсь немного, читая
Книгу тонких новелл Ляо Чжая,
Как интеллектуальную бомбу.

Как интеллектуальный феномен
Я ту книгу небрежно листаю...
В том, что рядом никто Ляо Чжая
Знать не знает, – уж я не виновен.

* * *

Можно ли святым человеку стать,
Но не таким, как ранее
Церковь канонизировала целую рать
По решению производственного собрания?

Можно ли такую веру иметь,
Чтоб никогда не отступить, не сорваться,
Чтобы все мирские соблазны призреть
И всегда святым оставаться?

* * *

Опушка леса. Ветер
Гудит в вершинах сосен.
Он не силен, но грозен,
Как мало что на свете.
Кольщутся привычно
Деревья в такт порывам.
Всё как бы прозаично,
Но вовсе не тоскливо.

* * *

Поскрипывала хвоя под ногами
С упругостью тугой сталистой стружки.
Я мерил время ровными шагами
С бесстрашьем надоедливой кукушки.

Сосновый бор, иссушенный жарою,
Не даровал живительную свежесть,
Которая вселяет в нас порою
Покой душевный, доброту и нежность.

* * *

Обесточенное небо,
Звёзды вымерли.

Вроде б красочно и лепо,
Но не вытерпит
Взгляд желающий
Пространства и бездонности
И мечтающий
О некой озарённости.

* * *

Всё в этом мире не нужно,
Всё непотребно и зряшно,
Голо и серо, бездушно,
Никчемно и как-то... не няшно.

Всё в этом мире напрасно
Всё от лукавого где-то...
Только с тобою прекрасны
Мелочи этого света.

* * *

На Земле мы одни
На все восемь её миллиардов.
Так не будем же ни
Сожалеть, ни искать вариантов,
В коих наша судьба

Нас пронесит мимо макушки
Надземного столпа,
На который вознес себя Пушкин.

* * *

Лапы елей закроют пространство,
Чтобы мы никогда не узнали,
Что за их зеленеющим чванством
Есть отнюдь не зелёные дали.

Так не радостен ельник матёрый,
Тяготит его душная сущность.
То ли дело живая воздушность
И открытость соснового бора!

* * *

О чём ты думаешь, когда
Последние мосты сжигаешь?
Тоскуешь, плачешь и рыдаешь
От постоянного стыда?

О чём ты думаешь, когда
Стараешься забыть бывшее
И вдруг в одно мгновение злое,

Теряешь мысли без следа?

* * *

Избавь меня, Господи, от сомнений;
Сделай жизнь мою, Господи, тихой и ровной;
Излечи от терзающих размышлений
О ненужности нашей пустословной.

Дай зренье мне, Господи, да такое,
Чтоб в жизни жестокой и несправедливой,
Узреть проявленье Твое всеблагое
К нам, недостойным и суетливым.

* * *

Под звук дождя легко писать
Слезливые стихи,
Набором разной истекать
Словесной чепухи.
Но так чтоб, влагой исходя,
Разделаться с хандрой,
По окончании дождя
Вернуть себе настрой.

* * *

Стрекозы почтили меня посещением,
Когда я пил кофе с утра на балконе.
Их крылья, прозрачные до откровения,
Сверкали, как искорки света в цирконе,

Дрожали чуть трепетным меццо-сопрано
С неожиданными окликарами скомороха.
Стрекозы сейчас от меня, кофемана,
Не ждали совсем никакого подвоха.

* * *

Далёких молний блики и раскаты
Помалу затихающего грома,
Игры дождя ритмичная токката
В изгибах крыш звучна, гулка, весома.

При этом ощутимы угасанье
Разверзшегося плотного напора
И предвкушенье, что благоуханье
Цветов по саду разольётся скоро.

* * *

Что ожидает нас в конце,

Когда останемся без сил?
Умрёт улыбка на лице, —
Ты всё, что было, упустил.
В щемящем сердце веры нет,
Без сил опустится рука.
В измятой пачке сигарет
Нет ни крупинки табака.

* * *

Лаванды столь прекрасен запах,
Что даже бабочки летят
Им насладиться – в прочих травах
Они кружиться не хотят.

Коль суждено быть однодневкой,
То на единственной заре
Их жизни, им не стоит мешкать,
Вдыхать чудесное амбре.

* * *

Вновь в Торском отключили свет,
Отрезав от цивилизации.
Мир, тьмой вселенскую одет,
Затих в томительной прострации.

Десятка два матёрых слов
Без расслабляющей патетики
Отметили мою любовь
К проблемам нашей энергетики.

* * *

Не на самом краю земли,
Но от него очень близко,
Мы пили вино на Бали,
А иногда – виски.
Пение звонких цикад
Дивным оркестром звучало.
И отражался закат
В винных бокалах алым.

* * *

До неприличия невзрачен,
Как никому не нужный хлам,
Я подчиняюсь неудаче,
Как жёстким приказным словам.

День на ненужности потрачен,
Подобен прочим серым дням.

Свою пустую неудачу
Подпитываю ленью сам.

* * *

Летний вечер чудесен после жары.
Включился автополив.
Присутствует свежесть. Отсутствуют комары.
Отсутствует негатив.

Освежающ и терпок вина глоток.
И послевкусье бодрит.
А ведь завтра опять заалееет восток,
И солнце испепелит.

* * *

Нынче полная луна
Встала над деревнею.
Но не видно ни хрена
Её за деревьями.
Так хотелось лицезреть
Лик её прекрасный.
Не судилось. Зол я, ведь
Ждал её напрасно.

* * *

Не зря, наверно, тот, кто создал
Галактик яркие спирали
Нас отдалил от них и звёзды
Сместил в немыслимые дали.

Всё для того, чтоб наши цели
Познать вселенские соцветья
Мы с вами сохранить сумели
На многие тысячелетья.

* * *

Нас с тобою сюда принесут на щите.
Или мы со щитами пойдём по воде,
Отвергая в душе то ничто и нигде,
Что мешает с тобой нам идти по воде.

Так случается всюду, всегда и везде:
Только тот, кто сумеет быть на высоте,
Со щитами в руке, с яркой целью в мечте,
Аки посуху сможет идти по воде.

* * *

Стихотворная строка

Облачает мысли в форму,
Как волна, что высока,
Утихает после шторма.

Что же лучше? – вдруг порой
Просыпается сомненье, –
Мысль, что крутится юлой,
Или гладь стихотворенья?

* * *

Мы застыли немо:
Поглотили взор
Звёздная поэма,
Мировой простор.
Мощью поражает
Вечный механизм,
Тихо оттесняя
Материализм.

* * *

Лето... Страшная жара...
Удручающе без меры
Духота царит с утра...
Только кондиционеры

Разжижают нашу кровь,
Делая сознание ясным.
Но с тобой, моя любовь,
Даже дни жары прекрасны...

* * *

Начитавшись с утра Маяковского, сидя в туалете,
Выхожу, заряженный его бешено рваным ритмом:
Хочется вывернуть всё наизнанку на этом свете,
Поставить с ног на голову, выйти на смертную битву.

Сердце от чувств этих давит резиновым мячиком,
В мир нервно вливаюсь расширенным глазом я.
Берегитесь, буржуи, питающиеся рябчиками
И зажёвывающие их (блин!) ананасами.

* * *

Его пророческие мантры,
Как и вещания Кассандры,
Не принимались и не шли
На пользу жителям Земли.

Но, как известно, у пророка
В своём отечестве без срока

Лицензии пророчить нет.
Такой вот эксцентриситет.

* * *

Того, кто найден в кукурузе,
В капусте не найдут опять;
Без катетов гипотенузе
Гипотенузою не стать;

К тому ж один не может катет
Дух треугольника крепить:
Пусть будет всё, как есть. И хватит
Бессмысленности городить. :)))

* * *

По дневному небу
Мутноватый месяц
Двигается меж веток
Равнодушных сосен.
Смотрит полуслепо
На леса и веси,
Смотрит так и эдак,
Ни о чём не просит.

* * *

Говорят, что берега окрестных рек
Заняты и что не подступиться к ним:
Все места застолблены вовек
Некими ждунами и ждуницами.

Всё сидят и представленья ждут,
Ждут, давясь улыбкою дежурною.
Ожидают, скоро ль проплывут
Трупы их врагов стремниной бурною.

* * *

Под сыростью дождя и влажным лесом,
Под тучами, провисшими донельзя,
Мир обесцветился, уныло засерелся
Хандрою и последующим стрессом.

Мне кто-то говорил, что за тоскою
Вослед приходят радость, счастье, вера.
Но в данный миг не верится в такое
Развитие событий в мире сером.

* * *

Когда один, сожрав другого,
Салфеткой губы промокнёт,
То сможет объяснить толково
Событий хитрый изворот.

Не нужно, дескать, укоризны,
Поверьте, я не людоед.
Как говорится, только бизнес
И личных мотиваций нет.

* * *

Новый Новый год – нов,
Старый Новый год – стар.
Много ведь таких слов,
Остроумно-глупых пар.
Всяк оксюморон – глуп,
Правда, лишь на первый взгляд.
Каждый мне по-своему люб.
Но нужны они на кой ляд?

* * *

Все, как всегда с иголки,
В большом ассортименте
На каждой первой полочке,

На каждом постаменте
На ярмарке тщеславия
Поэты вьют гнездовья.
В них мало словославия,
Но больше славословья.

* * *

Платочек свой явно не свежий,
Чтоб даме всплакнувшей подать,
Он смыкнул с кармана небрежно
И, скомкав, засунул опять.

Но вот утешенье словами
Натужно лилось с языка.
А ведь иногда вашей даме
Достаточно просто платка.

* * *

Всё может быть, может быть, может быть...
А может и вовсе не быть...
И сердце, и душу изложет ведь
Излишне нервозная прыть.

Исстарится вся, измотается

В запутанных мыслях мечта.
И где-то среди них затеряется...
А это жижи неспроста.

* * *

Оно в тебе, оно во мне,
В грозу и гром, и в тишине
Я знаю – истина в вине,
 Но то такое...
Рассчитывай, что повезёт,
Когда ты двинешься вперёд,
Но каждый новый поворот
 Рвёт всё живое.

* * *

Здесь волки не будут сыты,
А овцы не будут целы;
Здесь мелочные профиты
Важнее ценностей зрелых;

Здесь всякий из логики выслан
В страну алогичной тризны.
И здесь за инфляцией смыслов
Идёт инфляция жизни.

* * *

Чудище обло, озёрно, огромно,
Стозёвно и лаяй
Смотрит вослед – не беззлобно и томно, —
Почти не мигая.

Мозгом спинным ощущать этот взгляд ты
Ещё будешь долго.
С чудищем облым общаться вприглядку —
Стараться без толка.

* * *

Это вам не это,
Это вам не то.
К нам спешит с приветом
Серый конь в пальто.

За конём тем рифма
Из Караганды.
Подожди-ка, нимфа,
Отдохнёшь и ты.

* * *

Он побледнел, затем, как будто
Чуть отойдя от тошноты,
Меня назвал зачем-то Брутом
Добавив вялое «И ты...»

Но мне такая антитеза
Казалось ложной. Убеждён,
Что это я сражённый Цезарь,
А Брут, прошу прощенья, – он! :)

* * *

Что достигнем желаемого,
не беспокоюсь —
Знаю. Хоть порою
в счастье не верится.
Ведь конечная цель наша —
даже не полюс,
А звезда на хвостике
Малой медведицы.

О чём-то большем

1.

За детьми того декабря
Дитю января – трудно.
Оно будто дышит зря
И всхлипывает простудно;

Оно – никудышный актёр,
Хоть паузу тянет дольше.
Ему не доступен флёр
Снов, что о чём-то большем.

2.

Ночами душевная муть
Становится шире и скольже,
А хочется просто уснуть,
Не думать о чём-то большем.

И хочется не считать
Баранов, овец, полудурков.
Зло хочется обругать
Морфеевых сна драматургов.

...И когда растворятся все льды,
Лучше точно не станет.
Образуются много воды,
Станут лишними сани.
Но не будет уютней, теплей —
Станет мокро и сыро,
Много кашля и много соплей,
И тоски на полмира.

* * *

Наш субъективный мир как есть —
Самообмана лесть.
И эта лесть настоль мила,
Что мы не видим зла
В самообманывании
Себя, своей семьи.
И верим в то, что мир-болван,
Поверит в наш обман.

* * *

Твердят, поэт в страдании творит,
И дескать, без несчастий не сумеет
Он выдать на-гора заветный хит,

От коего читатель офигеет.

Страдать не обязательно. Порой
Приятности от мук рифмоплетенья
Сравнимы с увлекательной игрой,
Где как «Game over» – взрыв стихотворенья.

* * *

Ясное небо. ...И ветер в сосновом бору
Ветви от снежного плена шутя зачищает.
Снежная пыль, опадая, на солнце играет,
Блещет, мерцает и радуется глаз поутру.

Как он хорош, этот яркий «слепой» снегопад!
Легкий мороз одаряет нас свежестью щедро,
Сосны качаются в такт дуновениям ветра.
Такт дуновения жизни пьянит во сто крат.

* * *

Когда б поэтов щедро награждали
Дензнаками за их общенье с Музой,
Они бы как тогда живописали
Суть бытия – с желаньем иль обузой?

Ведь их монетизация принудит
Творить в созвучье лишь с монетным звоном.
От лишней денежки поэта не убудет,
Но зазвучит ли он в созвучье оном?

* * *

День, уходящий в ночь,
 Не вернуть.
Я не смогу превозмочь
 Этот путь.
Так происходит всегда
 На свету:
Тянет нас всех туда,
 В темноту...

* * *

Мы словно свыше осчастливлены
Нежданно чётким прояснением:
Иные чувственные символы
Сместили миропредставленье.

Иные: вздохи, взгляды, тонкости,
И отношенье к празднословью, –
Весь мир иной! Без однобокости!

Мы осчастливлены любовью.

* * *

Мы печаль не поселим в доме —

Пошлём её нафиг.

А душе для любовной истомы

Составим график:

Пять минут понудила и хватит —

В иное время

Мы от счастья фигеем и ради

Любви шалеем.

* * *

Курс лечения горькой редькой

Безотраден и неприятен.

Задымив его сигареткой

Да запив коктейлем кислятин,

Мы подумаем как-то смиренно,

Коль по жизни хрен редьки не слаще,

Возликуем отсутствию хрена,

Будем редькой хрустеть чаще.

* * *

«Иллюзию радости дарит вино», —
Такую неглупую фразу
Я где-то читал (и не так уж давно),
Но с ней не согласен мой разум.

Хорошие вина раскроют в душе
Все те закоулки, что скрыты
Унылостью будней, сокрыв неглиже
Иллюзии жизни избитой.

* * *

Осень сочно смешивает краски,
Расслабляет, истончает чувства.
Для поэтов осень — просто сказка,
Полигон словесного искусства.

Но прошу вас, осени не верьте,
У неё коварная природа.
Осень всё-таки — преддверье смерти
Утекающего в неизвестность года.

* * *

Он, поступая по-иному —
Ни катаньем и ни мытьём,

Поддался вдруг порыву злomu,
Сам показавшись этим злом.

То каменели, то менялись
Его пластичные черты.
Наверно, это бесновались
Плодящиеся в нём глисты.

* * *

Утренний декабрьский дождь,
Твёрдые плюс восемь.
Слов других не подберёшь –
Это бабья осень.
Ох, не скоро зимний снег
Радостей добавит.
Всё разладилось у тех,
Кто погодой правит.

Презумпция зла

Неужто природа меня не смогла
Создать добряком полноценным:
При виде чужого презумпция зла
Родится во мне непременно.

В любом неизвестном всегда наперёд
Я чувствую только злодея.
Во мне только нечет, отсутствует чёт:
Я видеть добро не умею...

* * *

Не понять, не принять чужое,
Не узнать, не признать родного.
Ни сознанием, ни душою
Не постичь все глубины слова.

Мы во многое верим слепо
И на многое смотрим косо.
Только как дорасти до неба? –
Вот вопрос всех моих вопросов.

* * *

Маленький принц, утончённый, но действительно вялый:

Тот самый – Экзюпери,

А рядом другой – по-ЕгорЛетовски разудалый

И матерный изнутри.

Трогают оба, по-своему, но равновесно,

Пусть разные струны души.

Оба они уникальны и интересны,

И оба они хороши.

Не ради славы

1.

Как Диогену помогая,
Со свечкою при свете дня
Людей искал, судьбу кляня
И чьи-то души поминая.

Не ради славы ведь старался —
Не ради веры в божество.
...И от того вконец остался,
Как Диоген, без ничего.

2.

Старался он не ради славы,
По неразумью, так сказать,
Задалбливать в чужие главы
Свою науку побеждать.

Процесс вдолбления в потёмки
Чужой души – напрасный труд,
Который вряд ли у потомков
Благим деяньем назовут.

Чёрных дыр фантастической прыти
Не унять;
Аппетит горизонта событий
Не сдержать.
Только мне космологии бездны
Не догнать.
Ничего не поделаешь: бездарь —
И нас рать.

* * *

За чан похлёбки чечевичной,
Вина бочоночек приличный,
За раболепье прилипал
Я б первородство не продал.

Ещё не найден тот Иаков,
Которому б я мог, однако,
Продать себя по метражу...
Поскольку цену не сложу.

* * *

Трёхглавому псу жить, увы, нелегко,
Ведь головы часто в раздоре.

А как стоголовое существо?
Что, через соцсети спорит?

Попроше сообществу, коль рассудить,
Многозмееголовой Гидры:
Там змеи едины в готовности лить
Соседкам отравы литры.

* * *

Уж согласитесь, все дороги
Всенепрременнейше ведут
Нас с вами в адские чертоги,
Где за грехи мученья ждут.
Когда мы через перекрёсток
Неумно мчим на красный свет,
То этим льём греха напёрсток
На мельницу бесовских тщет.

Околовиннипуховое

1.

Да будь медведи пчёлами,
Они бы вечерами
Жужжали б невесёлыми
Медвежьими басами.

Разрушили б симпатию
К себе подобным хором,
Загнав лесную братию
По дуплам и по норам.

2.

Что ж грозным медведям стыдиться?
Что въедливым пчёлам париться?
Никто ведь не усомнится
В их праве кусаться и жалиться.

По-всякому может случиться
В медвежье-пчелиной подмене.
Но мёдом придётся делиться:
Так принято в сей Ойкумене.

3.

Леонов бесподобен,
Евойную игру
Ни Кристофер наш Робин,
Ни Тигра с Кенгой Ру
Ни в жисть не переВиннят
И не переПушат.
Никто уже не Милнет
Подобных медвежат.

* * *

Люди радостно заблуждаются
И упорствуют в заблуждениях.
Мы такие, как есть – что тут каяться,
И такие, как есть – к сожалению.

От надменности не отважимся
Мы признаться в своей близорукости,
Не открестимся, не откажемся
От порой очевидной глупости.

* * *

Тем клёво, кто над пропастью во ржи,
Тем хуже, кто над пропастью с камнями.
Для первых мир их ярок, хоть и лжив,

А для вторых – он тоже лжив, но сами
Его цвета угрюмы и серы.
Но, как и золотящееся поле,
Он требует, чтоб игры детворы
И в нём стерёг хоть кто-то, грел и холил.

* * *

Смерть вероятнее жизни. И
От парадокса Фёрми
Хочется выть, оскорблять и бранить
Всех в этой пыльной таверне.

Где эти братья по разуму, где?
С кем допивать мне пиво?
Только талдычить о Караганде
Не стоит – и так тоскливо.

* * *

Самому себе скальпелем можно-де
Оперировать раны душевные,
Отделять напрочь опухоль ложного,
Резать глупости каждодневные.

Только как бы самолечением

Не создать рецидив/осложнение
И не пасть в глубину аберрации
От душевно-моральной кастрации.

* * *

Если жизнь своими тарифами
И невзгодами разнедужится,
Если думы запенятся рифмами
И идеи размытые вскружатся, —

Сочиняй, не похлопывай ушками,
Коль уж мысль биением взболтана.
Ведь у каждого третьего Пушкина
Быть должно своё истое Болдино.

* * *

Усталый мир затих без сил,
На много миль
Умолкли рощи, наступил
Сосновый штиль.
Застыли сосны и един-
ственный дубок,
Не шевельнутся ни хвоин-
ка, ни листок.

Еккл. 1, 9-10

...Нам сказано: что было, то и будет,
Что делалось, то сделается вновь —
Нет нового под солнцем! Если ж люди
Укажут вам на что-то: вот-де новь! —

Не верьте им, всё ранее случалось
В седых веках, что были прежде нас.

Нет нового под солнцем? Что ж, осталось
Искать другие солнца в этот раз.

* * *

Ветер, делающий
Из стылого лета осень,
Словно ведающий,
Что наши души просят,
Словно знающий
Глубины непостоянства,
Отрезвляющий
После вчерашнего пьянства.

* * *

Порой не стоит каждый чих
И ворох мыслей разлих
Вплетать в свой скороспелый стих,
 Но коль изыдет,
Фонтан из рифм не заткнуть,
Тогда, теряя смысл и суть,
Прёт зарифмованная жуть
 И не пресытит.

* * *

Снег, вальсирующий в свете фонаря,
Появляется и исчезает, словно
Он живёт и он очерчен ровно
Блеском лампы в небе января.

Словно бы за кругом света нет
Да и не бывает искр снега,
Кружащегося с извечной негой
Только там, где есть не тьма, но свет.

* * *

Да, не Ассолы мы, к нам не плывут
 Алые паруса,
Нашему прЫнцу вполне подойдут

Белые – за глаза.
Пусть даже серые – только б приплыл
В лунную-лунную ночь.
Бог не Асолями нас сотворил,
Пусть, но без прЫнцев невмочь.

* * *

Вечер стал тихим – когда не считать
Автомобильный гул.
Звёзды пропали – отправились спать?
Или ушли в отгул?

Сонные тучи отнюдь не мрачны,
Лик их слегка водянист.
Выхлоп машин не отравит весны —
Воздух надеждами чист.

* * *

По подмороженным троллеям,
Шипя и весело искря,
Троллейбус мчит, не сожалея
Дней уходящих января.

Весну не скорую пророча,

Из подворотен прёт февраль.
День стал длиннее, ночь – короче.
Но зимней ночи мне не жаль.

* * *

Стоит в ультрафиолете
Лучше рассмотреть
Спутавшую всё на свете
Тленной жизни сеть.

Зрение в иных частотах
Может подсказать,
Как на скользких поворотах
Жизни газовать.

* * *

Острым взглядом в никуда,
Поглощая вечность,
Смотрит суперерунда
В супербесконечность.
Но не так уж всё у нас
Суперерундово,
Ведь в начале каждый раз
Остаётся слово.

* * *

Трансформируем в позитив
Сушнячок и мигрень бесшабашную —
Тот естественный негатив,
Что в наличии после вчерашнего.

Минералка, ядрёный рассол
И на бледный рассвет медитация.
Новый год наступил: он пришёл —
Я живой. Выхожу из протрации...

* * *

Трудно насладиться до конца
Летним вечером и летней ночью.
Облаков едва заметных клочья,
Месяца взошедшего ленца.

Чистых звуков глубина и даль,
Лёгкий шелест чуть заметных сосен.
Август он такой, почти как осень,
Но не осень. И его мне жаль.

* * *

Добавим-ка мы градусу,
Чтоб было всё по-русски:
Еще пол-литра на душу
С веселенькой закуской,
С солёненьким огурчиком,
Грибочками хрустящими,
С девчонкою фигурчатой,
Компанией галдящею.

* * *

Когда бы знать, что завтра будет!
Когда бы постелить соломку
На место то, где волей судеб
Мы с вами грохнемся неловко!

Когда бы знать! Но не известно,
Где нас судьба исколошматит.
Стогов соломы повсеместных
На все падения не хватит.

* * *

Мы утром, вечером, и днём,
И ночью во грехе живём.

Ведь всё, что столь приятно нам,
Увы, относится к грехам.

Но если переоценить
Грехов краснеющую нить,
То можно каждый мелкий грех
Считать за подвиг и успех.

* * *

Подправлю я потом слова,
Пока же вывалю потоком
Тот ворох мыслей, что едва
Образовался кособоко,
Несвязно и отдельно от
Потуги здравого сужденья...
И этот ворох правка ждёт,
Он может стать стихотвореньем.

* * *

За три часа до октября
Сентябрьская гроза,
Озона запахи дая,
Разверзла небеса.

Посуетилась, полила
Дождём на белый свет
И, горемычная, ушла,
За беглым летом вслед.

* * *

Сегодня выпал первый снег,
Едва прикрыв листву увядшую
Ковром пушистым лёгких нег.
Он – чистый, её – падшую...
И побелевшая земля,
Отбросив прошлые терзания,
Взяла свой старт опять с нуля:
От чистоты – до увядания.

* * *

Господня воля может принуждать,
А может – совпадать с мечтой поэта
Глобальный труд на все века сверстать
И получить приятности при этом.

А может, впрочем, зрения лишить...
Но чтобы эта воля не послала,
То можно и, не видя текст, творить.

Гомеру ж слепота не помешала.

Перевод с английского.

@morning_swallow

Скрой кристаллик любви среди запыленных книг,
Тлеть страницы начнут, вспыхнет шкаф на глазах,
Так найди ей иной неприметный тайник,
Скрой её среди звёзд в небесах.

А как будет и небо зарёй сожжено,
Скрой росинкой в сети паутинки лесной.
Если ж места ей в мире найти не дано,
Возврати её – будет со мной.

Зайку бросила хозяйка...

А. Барто

Всех заек на свете бросают хозяйки,
Хозяйки ведь быстро растут.
И что остаётся разлюбленным зайкам?
Сидят и хозяйюшек ждут.

А вдруг они вспомнят, а вдруг не забыли,
Не разлюбили – а вдруг!
Надеются, ждут, покрываются пылью...
Теперь только пыль зайкин друг.

* * *

Покойся с миром, брат-неандерталец,
Увы, твой век был буен, но недолог.
Тебя найдут, и долу вздымет палец
Какой-то бородатый антрополог.
Воскликнет: «Ах, чудесная сохранность,
Какая челюсть, ах, какие дуги!»
Да, брат-неандерталец, это данность —
Всего себя отдать для благ науки.

*У моря сижу на утёсе крутом...
...Знавал друзей я и ласковых дев, —
Их ныне припомнить хочу я...
Г. Гейне, пер. А.К.Толстого*

Каких только мыслей и я не знавал,
Когда море пенное видел со скал,
Но не было вроде бы левых
Желаний о ласковых девах.

Как можно о девах, когда велики
Видение моря и неба мазки,
И общее их величие
Здесь застыт лики девичии.

* * *

Ты могла бы со мной говорить лишь гекzáметром ровным,
Вместо матов-блинов обезличивать спичи цезурой,
Даже больше: «отнюдь» говорить с предыханьем альков-

ным,
Водку пить, отставляя мизинчик изящно и выглядя душой.

Ты в дорийском хитоне могла бы по дому слоняться устало,

Закрутив свои волосы в хитро-безумной причёске гетеры,
Но «отнюдей» и водки с отставленным пальчиком мало,
Чтобы Та́ис Афинской постичь политес и манеры.

* * *

Развиднелось. И всё на свете:
Трава, деревья и кусты, —
Мглы чёрной сбрасывая сети,
Вернуло зыбкие черты.

Ещё темно, ещё так пусто —
Ни жизни, ни движенья нет,
Но сердце согревает чувство,
Что приближается рассвет.

* * *

Ужасно гусеницей быть.
Когда опутывает кокон,
Не двигаться, не есть, не пить
В клубке из шёлковых волокон.

Не понимая для чего,
Терзаться мукою напрасной...
Не знать, что будет торжество
Полёта бабочкой прекрасной.

* * *

Столько нужно успеть,
Сделать нужно немало.
Ни к чему сожалеть
О звезде, что упала.

Нам от дел не присесть,
И дела те не тают.
Звёзд на небе не счесть,
Пусть себе опадают.

* * *

Какой хлопотливый ветер —
Всё что-то он по двору носит,
Накручивает и вертит...
Надеюсь, ещё не осень.

Сентябрь поначалу – скорее
Похож на плохое лето.
И осень нам станет милее,
Но лишь в декабре где-то.

* * *

Как-то в голове всё шло вразноску,
И с лицом-пародией на смайлы —
Извлекал он мысль из недр мозга,
Словно зазипованные файлы.

Но с оперативкой было кисло:
Не хватало места у героя,
Чтобы мысль извлечь, наполнить смыслом
И хоть как-то к логике пристроить.

* * *

Любой безделия поборник
Как и отъявленный бездельник

Прекрасно знают: ночь на вторник
Получше, чем – на понедельник.

А полнолунящийся месяц
Сейчас в своих чертогах горних
Плывёт, о времени не грезя,
Из понедельника во вторник.

* * *

Дождь как-то начался резко,
Ветер на всех парах
Сосны согнул до треска
В их напряжённых стволах.
Молний неблизких разрывы,
Капель блестящий поток...
И – центр грозы ретиво,
Умчался на юго-восток.

* * *

Эх, погода хороша,
Радует дождливостью.
Чахнет в сырости душа,
Мучится сонливостью.

Мысли в голову не лезут,
Не скребут, не пятыся,
Не пыхтят, не куролесят,
Хоть сегодня пятница.

* * *

Город – место для отшельников,
Где содружество убийственно.
Постмодёрновых насельников
Бес собрал здесь для витийствия.

Чтоб они из капли горечи
Сотворяли море хинное...
Возвращайтесь же, Петровичи,
Мудрецы мои былинные.

* * *

То ли крокодил,
То ли крокодил
Мимо проходил
Или проходил.
Шёл восвояси,
Ножками-шасси
Ляпал по грязи

Или по грязи.

* * *

Скрипят филологов натруженные зубы,
Когда народ не верно ударЯет
ЙогУрты, кЕту, фОльгу и кетчУпы,
Про фОрзацы и тЕфтели не зная.

Так хочется повесить миру знанья
И томиком ОжЕгова толстенным
Ударить обывателя сознанием,
Что ударЕнию быть дОлжно неизменным.

* * *

Ох, хлеб и зрелища будут желанны всегда,
И эти желания – тоже из категории вечных.
Даже занимая в вечных самолётах места,
Направляясь в вечную Касабланку или ещё куда,
Жаждать народ будет хлеба и зрелищ беспечных.

Не помогут ни светлые радости, ни яркая красота.
Схема счастья известна тысячелетия и проста:
Зрелища, хлеб, рабы... и пара заводиков свечных.

Перевод с английского. Уильям Строд. На жизнь человека

Что наша жизнь? Игра страстей, котёл,
И наша радость – ноты разобщенья
Из чрева матери, из ульев сонных пчёл,
Из крошечных комедий безвременья:

Земля – театр, небесный театрал
Скучая бдит, кто бьётся, кто торгует.
Могила скроет нас от солнечных зеркал —
Игра ничьей закончится впустую.

* * *

Прекрасен и неуловим
Небесный Иерусалим,
Блестает горным хрусталём,
Пылает трепетным огнём.

Мой путь к нему и кос и крив,
Но я иду, пока я жив,
Хоть он далёк и невидим,
Небесный Иерусалим.